

Лу Сичэн внезапно пришел в себя, протянул ему чашку и спросил:

– Ты пришел в себя?

Линь Чуньюй вовсе не стал его слушать, приняв лекарство, он снова лег. Лу Сичэн посидел на краешке кровати, колеблясь. Палец, казалось, все еще горел в том месте, где тот его задел, из-за чего он чувствовал себя как-то неловко, и в конце концов просто сунул руку в карман.

Разговаривать так разговаривать, кусаться-то зачем?

Лу Сичэн подумал про себя: «Наказание какое-то».

Он размышлял, не стоит ли ему взять теплую воду, чтобы обтереть Линь Чуньюя и сбить жар? Но, подумав чуть дольше, решил, что если профессор Линь завтра придет в себя, то, пожалуй, попытается вышвырнуть его вон, так что лучше не надо.

– ...И все хорохорился, что никто за ним ухаживать не должен, – глядя на его крепко зажмуренные глаза и чуть сдвинутые брови, тихонько проговорил Лу Сичэн. – Не будь меня, сидел бы ты тут посреди ночи, сгорая до состояния дурака, главный.

Линь Чуньюй, судя по всему, ничего и не услышал – он снова заснул, хмурясь.

На следующее утро у Линь Чуньюя немного спал сильный жар, но когда он открыл глаза, следов Лу Сичэна и след простыл. В памяти смутно всплыли события прошлой ночи, похожие на хаотичные кадры немого кино. Линь Чуньюй откинул одеяло и сел, какое-то время неподвижно сидел, а лицо его выглядело слегка помрачневшим.

В телефоне обнаружилось несколько сообщений, одно из которых было от мамы, интересовавшейся, как они ладят с Чэнь Сяо.

Линь Чуньюй взял аппарат, бегло взглянул на экран, небрежно ответил, что все хорошо, и швырнул телефон в сторону. Тут он снова вспомнил, как прошлой ночью Лу Сичэн давал ему лекарство.

Лу Сичэн, казалось, старался изо всех сил заключить его в объятия, в темноте шептал что-то прямо на ухо, а от самого веяло таким прохладным теплом, что невольно тянуло прижаться ближе. Он помнил и промелькнувшую в тот миг мысль, когда разглядел лицо Лу Сичэна. Лу Сичэн смотрел на него сверху вниз, а его мягкие волосы свисали вниз. Тогда он подумал: вырос.

Линь Чуньюй сидел с бесстрастным выражением лица, по привычке раскладывая все по полочкам и мысленно выбрасывая вон события минувшей ночи, включая самого Лу Сичэна. Он поднялся, привел себя в порядок и заметил за окном парящий неизвестно с каких пор снег –

тот укутал сосновый бор в безмятежную белизну.

Линь Чуньюй остановился у окна. Лу Сичэн проявил заботу: опасаясь, что он проспит слишком долго или что яркий свет резанет ему глаза, он лишь чуть-чуть приоткрыл занавески, оставив ровно столько щели, чтобы дневной свет падал идеально. Линь Чуньюй на мгновение скосил глаза, отвел взгляд, снял пропитанную потов пижаму и собрался идти в душ. Но стоило ему стянуть верх, как дверь в комнату кто-то отворил.

Линь Чуньюй нахмурился и обернулся. Ничуть не удивившись тому, кто стоял на пороге, он холодно бросил:

– Выйди.

Лу Сичэн держал в руках завтрак и электролитный напиток, а от него самого разило морозной свежестью снега. Словно ничего не слыша, он самовольно прикрыл занутую дверь, вошел и спросил:

– Получше?

Линь Чуньюй обратился с ним как с пустое место, к чему Лу Сичэн уже давным-давно привык, и поинтересовался:

– Куда собрался?

Ни сказав ни слова, Линь Чуньюй шагнул в ванную и затворил за собой дверь. Лу Сичэн крикнул ему вдогонку:

– Без завтрака мыться надумал? И так еле на ногах стоишь, можешь перестать вечно испытывать судьбу на прочность?

– Заткнись.

Лу Сичэн беззвучно рассмеялся, скорчив такую рожу, будто у него свело судорогой лицо, и расставил ему еду. Шум воды в ванной стих через мгновение, но Линь Чуньюй все не выходил и не выходил. Лу Сичэн подумал: неужто этот человек в обморок рухнул? Жар еще до конца не спал, а он в душ полез, – и, охваченный беспокойством, прильнул к двери, прислушиваясь к звукам, а затем постучал, окликая его:

– Линь Чуньюй?

Никто не откликнулся.

- Профессор Линь? - повысил голос Лу Сичэн. - Ты вообще в сознании?

По-прежнему тишина.

Поколебавшись секунду-другую, Лу Сичэн повернул ручку. Внутри ванной Линь Чуньюй стоял спиной к нему перед раковиной, уперевшись обеими руками в столешницу, набросив на голое тело лишь банный халат, который плотно облегал контуры его фигуры.

- Когда же у тебя пройдет эта привычка вламываться без спроса? - Линь Чуньюй холодно окинул его взглядом в зеркале. - Проваливай.

Лу Сичэн приподнял бровь, глядя на высокую и прямую спину Линь Чуньюя. Скрестив руки на груди и прислонившись плечом к косяку ванной, он с улыбкой произнес:

- Чего ты вечно разговариваешь так гадко, словно тебя собака укусила? Разве я не переживаю за тебя?

Голос Линь Чуньюя звучал медленно и не допускал возражений:

- Я сказал: проваливай.

Лу Сичэн с улыбкой хранил молчание, словно ничего не слышал:

- Тебе в больницу не надо? Из-за простуды легко может начаться рецидив, к тому же твое тело... кажется, и без того не в лучшей форме. Я думаю, всё же стоит записаться на прием к врачу.

Линь Чуньюй сохранял ледяное выражение лица:

- Благодарю за заботу, катись.

- Я ухаживал за тобой всю ночь, неужели ты не можешь перестать бросаться этим словом? - произнес Лу Сичэн. - Ты куда интереснее, когда болеешь. А помнишь, что ты говорил вчера вечером? Профессор.

Линь Чуньюй тяжело приподнял веки: в зеркале отразились темные и глубокие, подобно поглощающей людей бездне, глаза, которые с нескрываемым раздражением уставились на Лу Сичэна.

- Тогда твои речи звучали куда вежливее нынешних, - Лу Сичэн нагло врал в глаза. - Ты спросил, кто я такой, сказал спасибо за заботу и поинтересовался, почему я стал не таким, как

в детстве?

Конечно же, все это было чистой воды выдумкой Лу Сичэна: кроме слов кто и вода Линь Чунъюй вчера не проронил ни единого звука. Он просто пользовался тем, что Линь Чунъюй ничего не помнит, и молот чепуху, надеясь выбить хоть какую-то другую эмоцию на этом лице законченного мучителя.

Посмотрев на него с секунду, Линь Чунъюй равнодушно отвел взгляд:

– Я такого не говорил.

– Да неужто не помнишь, больной? – с улыбкой произнес Лу Сичэн. – Хочешь, я помогу тебе освежить память? Ты ведь наговорил кучу всего помимо этого, послушать хочешь?

Терпение в голосе Линь Чунъюя наконец иссякло окончательно. Он спросил:

– Лу Сичэн, чего ты в конце концов добиваешься?

Лу Сичэн удивился:

– Чего это я добиваюсь?

– Тебе не хочется возиться со мной, но при этом ты вечно околачиваешься перед моими глазами. – В висках Линь Чунъюя снова заколола тупая боль: запоздалые последствия высокой затяжной температуры заставили его нахмуриться еще сильнее. – Говоришь, что больше не любишь меня, так к чему эти вечные домогательства?

– Ты невероятно раздражаешь, – мрачно бросил Линь Чунъюй, косо взглянув на него. – Какого черта ты никак не уяснишь то, что я говорю?

Слова прозвучали тяжело и весомо, казалось, упали они на пол – и в плитке осталась бы дыра. Лу Сичэн пожал плечами:

– Твоя болезнь отчасти моя вина, моя совесть не на месте.

Линь Чунъюй холодно бросил:

– У тебя есть совесть.

– Я и сам только что об этом узнал, – Лу Сичэн коснулся рукой собственной груди. – Какая неожиданность.

Линь Чуньюй внезапно замолк. Упершись руками в столешницу, он слегка приподнял плечи, напряг мышцы спины и сквозь зубы процедил:

– Мне это не нужно, уходи.

Сами слова «не нужно» стерли с лица Лу Сичэна всякую улыбку.

Лу Сичэн не лгал: долгие годы он считал себя законченным мерзавцем в делах сердечных. Такая диковинка, как «совесть», была стерта в порошок и превращена в прах еще несколько сотен лет назад, так что от нее не осталось даже мелких осколков. За все эти годы скитаний среди толпы поклонников ему не раз доводилось садиться в лужу и выслушивать в свой адрес оскорбления вроде «шлюха» или «поганец». Лу Сичэн привык воспринимать подобные упреки как нечто само собой разумеющееся, неизменно пропуская мимо ушей, чтобы затем продолжать заниматься прежними делами. По своей живучести он мог бы поспорить с тараканами.

Однако на сей раз, то ли из-за убийственной силы этих трех слов, то ли потому, что сам Линь Чуньюй обладал куда большим мастерством ранить, сказанное прозвучало донельзя колко. Оно мгновенно обратилось в кровоточащую реальность, отзвучав гулким эхом в самом его разуме.

Лу Сичэн тронул себя за грудь и подумал: немного больно.

Он медленно выпрямился, скрестил руки на груди и умолк. Вообще-то, беспокойство за больного было лишь одной стороной медали; куда больше в нем жило желание насолить Линь Чуньюю, чтобы тот до смерти устал от него и наконец оставил их семью в покое. Дабы больше не приходилось барахтаться в этих неопределенных, ни к чему не обязывающих узах всю оставшуюся жизнь.

К чему все это? – рассеянно думал Лу Сичэн. – Ну и сволочь же я.

К счастью, его выработанная годами толстокожесть еще не дала трещину, так что внешне он скрыл этот дискомфорт с абсолютной безупречностью и участливо произнес:

– Ладно, понял. Разве я не собираюсь уходить? Чего ты так кипятишься.

Линь Чуньюй:

– Выйди.

Лу Сичэн на мгновение растерялся, не зная, что и ответить, а затем бросил взгляд на чересчур яркую лампу в ванной, разглядев в ее голом плафоне собственное отражение – чистое воплощение двух больших иероглифов: «нежеланный гость».

Лу Сичэн отвел глаза, пожал плечами, бросил ладно и развернулся к выходу.

Едва он сделал два шага, как за спиной раздался громкий стук – дверь захлопнули с силой.

Не замедляя шага, Лу Сичэн направился прямо в свою комнату. На сердце скребли кошки.

Какое же злодеяние он совершил в прошлой жизни, раз в этой ему выпала такая напасть? Лу Сичэн долго стоял у окна, разглядывая собственное отражение, и думал: тоска.

За окном завывал ветер, глухими ударами сотрясая оконные рамы. Повалившись на кровать, Лу Сичэн вздремнул еще раз, в полусне видя множество причудливых историй из прошлого, а когда проснулся, в голове все еще стоял легкий туман. Скосив глаза в окно, он увидел всюю кружащую метель.

Поглазев какое-то время на сплошную белизну за стеклом, он привел себя в порядок и неторопливо спустился вниз. Как назло, едва ступив на лестницу, он столкнулся с Линь Чуньюем у самого входа – тот как раз подвергался безжалостной бомбардировке нравоучениями со стороны тетушки. Услышав шаги, Линь Чуньюй поднял глаза, и их взгляды тут же переплелись.

Шаг Лу Сичэна на ступеньках замер. Проигнорировав его, он опустил веки и собрался было выйти за порог. Однако стоило ему поставить одну ногу за дверь, как тетушка с невероятной расторопностью цапнула его за капюшон пуховика и, словно карающее божество или упрямого борова, со злостью втощила обратно:

– Куда собрался? Куда собрался? На улице такая снежная буря, куда тебя опять несет? Обязательно нужно слечь с температурой, чтобы до тебя дошло?

Лу Сичэн: «...»

Произнеся это, она вдруг сообразила, что тон прозвучал не совсем подобающе, тут же сменила гнев на милость, мгновенно смягчила голос и нежно проворковала Линь Чуньюю:

– Ой, сынок, тетушка вовсе не то имела в виду, простудиться всякий может. Отдыхай хорошенько, не переживай, простуда – это даже полезно, иммунную систему обновляет, ха-ха.

Было очевидно, что она без памяти влюблена в этого «почти зятя» и готова хоть сейчас засучить рукава, чтобы лично доделать за Чэнь Сяо то, что осталось недописанным. Придавленный этой горой Тайшань, Лу Сичэн не мог и шевельнуться. Безуспешно дернувшись пару раз, он взмолился:

– Я просто хочу выйти кое-что купить, самую малость... Тетушка, отпусти меня сначала, а?

- Какую тебе еще метелку для пыли. - Тетушка наотрез отказывалась выпускать его за дверь. - Ты даже куртку не застегнул толком! Сколько раз тебе повторять? Термобелье надел? Зима на дворе, а ты вечно ходишь распахений, не боишься околеть, паразит мелкий... Марш в свою комнату, чтобы ноги твоей здесь не было.

Быть пойманным с поличным на глазах у Линь Чунъюя показалось Лу Сичэну унижительным, и он со вздохом покорился судьбе. Линь Чунъюй молча стоял в стороне, засунув руки в карманы - вылитая бездушная и отстраненная статуя холодного красавца, а выражение его лица было ровно такого же серого цвета, как снег за окном.

<http://bllate.org/book/25839/3087889>